

УДК 821.161.1

А. Е. Ануфриев

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ В. БРЮСОВА В РАССКАЗАХ-АНТИУТОПИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА.

В статье рассмотрены и проанализированы рассказы-антиутопии В. Брюсова начала XX века: «Республика Южного Креста», «Восстание машин», «Торжество науки». Исследована социально-философская проблематика рассказов, характер конфликта в них, жанровое своеобразие, интертекстуальные связи, пространственно-временные отношения. Выявлено прогностическое значение произведений Брюсова, указана их роль в развитии жанров социально-философской фантастики.

Конфликт в рассказе «Республика Южного Креста» включает в себя как социально-философский, так и психологический аспекты и свидетельствует об антиутопической направленности произведения. В рассказе «Восстание машин» Брюсов выразил протест против порабощения человека машинной цивилизацией. Концепция произведения определена тем, что тесное соприкосновение человека с машинами создает фатальную зависимость от них, меняет природу человека. Он оказывается неспособным противостоять автоматизации жизни, утрачивает внутренние силы и становится беззащитным перед порожденными его умом и талантами изобретениями.

В рассказе «Торжество науки» Брюсов полемизирует с идеями русского религиозного философа Н. Ф. Федорова о возможности физического воскрешения человека, изложенными в работе «Философия общего дела». При этом писатель прибегает к созданию пародийных и гротескных картин. Брюсов обращается к жанру социально-философского фантастического рассказа, в котором воссоздает негативные модели будущего.

Ключевые слова: конфликт, сюжет, социум, антиутопия, модель будущего, цивилизация, пародия, социально-философская фантастика.

В. Я. Брюсов известен не только как поэт, критик, ученый, один из лидеров русского символизма, но и маститый прозаик, автор многочисленных рассказов, повестей, романов «Гора Звезды», «Огненный ангел», «Алтарь победы».

Работа Брюсова над прозой проходила параллельно его поэтической деятельности. Исследователи творчества Брюсова отмечают, что в рассказах и повестях писателя можно увидеть прозаические эквиваленты его поэтических исканий. Значительным событием в творчестве Брюсова стал выход первого прозаического сборника «Земная ось». По мнению С. Ильёва, его заглавие восходит к фразе С. Пшибышевского в предисловии к русскому изданию его романа «Сыны земли»: «Ось нашей жизни – это любовь и смерть» [1]. С точки зрения С. Гречишкина, более вероятным представляется мнение, что для заглавия книги «писатель выбрал кальку «крылатого» латинского словосочетания “axis mund” (ось мира, полюс, земная ось), встречающегося у античных писателей» [2].

В сборник вошли психологически разработанные рассказы, раскрывавшие проблемы двойственности личности («Теперь, когда я проснулся...», «В зеркале»), произведения, подчиненные идеям взаимопроникновения реального и ирреального, бытового и мистического («Сестры», «Мраморная головка»), образцы социально-философской прогностической фантастики («Республика Южного Креста», «Последние мученики») и драма-антиутопия «Земля».

Ориентируясь на повествовательные структуры, представленные творчеством Э. По, А. Франса, С. Пшибышевского (об этом Брюсов писал в предисловии к сборнику «Земная ось»), он по-своему осмыслил события современности и пытался предугадать возможные пути развития цивилизации.

В последующие периоды своего творчества Брюсов продолжал уделять большое внимание прозаическим произведениям, опираясь на исторические аналогии, острые коллизии, методы научно-экспериментального предвидения.

В рассказе «Республика Южного Креста» действие начинается с описания идеального государства будущего, созданного на южном полюсе. Благодаря достижениям науки и техники жители Республики Южного Креста победили суровую природу, заключили пространство своих городов под мощные купола, обеспечили всех граждан искусственным светом и теплом. Общественная жизнь

республики, как подчеркивает автор, «по внешним признакам казалась осуществлением крайнего народовластия» [3].

Но за демократическими установками скрывалась жесткая иерархическая система отношений. Вся жизнь граждан регламентировалась технократической элитой, обладавшей неограниченными капиталами и властью. Она подчинила существование жителей неукоснительным нормам и правилам, в соответствии с которыми все подвергалось унификации: архитектура городов, устройство жилищ, форма и покрой одежды.

Внешнее благополучие и экономическое процветание Республики было основано на подавлении свободы человека, нивелировании его поступков и психических реакций. Модель государства, созданная Брюсовым, напоминает проекты Т. Мора, Т. Кампанеллы, Т. Морелли, Э. Кабе и предвосхищает технотронные цивилизации Е. Замятина, О. Хаксли, Д. Оруэлла, Р. Бредбери.

Главное место в рассказе уделено описанию жизни столицы южнополярной республики – города Звездного. В нем, как и во всей республике, главенствуют жесткие нормы и запреты.

Устойчивую, регламентированную жизнь Звездного внезапно нарушила загадочная болезнь граждан – «*mania contradicens*» – «мания противоречия». Брюсов описывает симптомы заболевания: «Свое название болезнь получила оттого, что больные ею сами противоречат своим желаниям, хотят одного, но говорят и делают другое... Заболевший вместо «да» говорит «нет»; желая сказать ласковые слова, осыпает собеседника бранью и т. д. Большей частью одновременно с этим больной начинает противоречить себе и своим поступкам: намереваясь идти влево, поворачивает вправо; думая поднять шляпу, чтобы лучше видеть, нахлобучивает ее себе на глаза... Сознавая неразумность своего поведения, больной приходит в крайнее возбуждение, достигающее до исступления. Очень многие кончают жизнь самоубийством, иногда в припадке безумия, иногда, напротив, в минуту душевного просветления. Другие погибают от кровоизлияния в мозг» [4].

Со временем болезнь граждан приняла характер эпидемии, привела к массовому психозу и безумию, к немотивированным убийствам, насилиям, грабежам, техническим катастрофам. Конфликт в обществе приобрел тотальный характер, когда, по выражению Гоббса, «все враждуют со всеми». Это привело к полной анархии и потере управления. Город погрузился во мрак и холод, а его жители в результате локальных сражений почти полностью погибли.

Социально-философская проблематика рассказа Брюсова обусловлена неоднозначной интерпретацией «болезни противоречия». По мнению С. М. Ломтева, в этом катаклизме «сказалась брюсовская концепция цикличности цивилизации: достигнув определенного периода развития, цивилизация погибает» [5].

С. С. Гречишкин полагает, что в болезни жителей проявился их стихийный протест против «бездуховности технократического общества, когда люди совершают алогичные и кровавые преступления» [6]. Нам кажется более приемлемой иная точка зрения на основополагающую проблему рассказа. В тотальном государстве Брюсова унификации и нивелировке подверглись все действия и отношения людей. Они перестали чувствовать себя носителями свободного сознания. Вместе со свободой они потеряли способность открыто выражать свои мысли, отвечать за себя и свои поступки. Полнейшая зависимость от цивилизации заставила их спрятать в подсознание желания и чувства. Сфера иррационального в человеке оказалась перегруженной и не выдержала напряжения. Психическое равновесие нарушилось, что и привело к всплеску неподконтрольных и противоречивых реакций.

Другой аспект мотива «безумия» в брюсовском рассказе связан с проблемой *человек – природа – социум*. Жители Республики, нарушив единство с природой и отгородившись от нее искусственными барьерами, переступили через законы естественной жизни. Они уничтожили в себе баланс внутренних сил, а тем самым и возможности для гармоничного развития. В этом плане сумасшествие граждан и гибель их столицы воспринимаются автором как месть

самой природы человеку за попытку создания бездушной, технотронной цивилизации.

Конфликт в рассказе Брюсова включает в себя как социально-философский, так и психологический аспекты и свидетельствует об антиутопической направленности произведения. В отличие от классических антиутопий 20-50-х годов (Замятина, Козырева, Хаксли, Оруэлл, Брэдбери) конфликт выражен не в форме столкновения отдельной личности с социумом, а противостояния «всех со всеми». Писатель показал, как в сверхобезличенном государстве тотальная регламентация превратилась в тотальную анархию и привела к самоуничтожению населения.

В неоконченном рассказе «Восстание машин» (1908), тоже принадлежащем к жанру антиутопии, Брюсов выразил протест против порабощения человека машинной цивилизацией. Писатель перенес действие в будущее, когда в истории человечества наступила эра полной автоматизации. Машины не только заменили физический труд человека, но и определили способ его существования, сделались его вторым «я». «Подобно всем, кто живет в нашу эпоху, мы пользовались всеми благами современных машин... мы нажимали определенные кнопки и поворачивали известные рукоятки и получали все, необходимое нам... Мы говорили по телефону и слушали в мегафон утреннюю газеты или, вечером, какую-нибудь оперу; переговариваясь с друзьями, мы приводили в действие домашний телекинем и радовались, видя лица тех, с кем говорили», – беспристрастно, как о чем-то привычном сообщает повествователь [7].

Налаженное и комфортное существование жителей города внезапно нарушилось «фантастическим происшествием» – восстанием машин. Они превратились в убийц человека. Все, к чему прикасались люди – телефонные трубки, регуляторы света, тепла, кнопки лифтов и т. д., – несло в себе смерть. Город оказался под угрозой уничтожения, а многие жители погибли.

В катастрофических событиях герой-рассказчик склонен видеть «сознательность» и «целеустремленность» машин в их противостоянии человеку. «Машины во время восстания действовали с такой систематичностью, с такой дьявольской логикой, что я готов допустить, что восстание было, если не «обдуманно», то «подготовлено», – считает он [8].

Сюжет рассказа строится на явлении «инверсии субъекта и объекта в производственном процессе и в обыденной жизни: человек и машина меняются местами, машина становится властелином, человек – рабом» [9]. Подтекст повествования определяется концепцией Брюсова, в соответствии с которой машина меняет отношения между человеком и природным миром. С одной стороны, она покоряет природные стихии, а с другой – покоряет и самого человека. Тесное соприкосновение человека с машинами создает фатальную зависимость от них, меняет и саму природу человека. Он оказывается неспособным противостоять автоматизации жизни, утрачивает внутренние силы и становится беззащитным перед порожденными его умом и талантами изобретениями.

В ряду антиутопий Брюсова представляет интерес малоизученный рассказ «Торжество науки» (1917). Воображением автора создан Теургический институт XXIV века, в котором ведутся опыты по оживлению давно умерших людей. На глазах изумленного посетителя воскрешенные Гегель и куртизанка XVII века Нинон де Ланкло просят есть и пить, а библейский Иуда издает звуки, напоминающие хрипение.

По мнению С. Никоненко, в этом рассказе писатель вступает «во внутреннюю полемику с идеями русского энциклопедиста и религиозного мыслителя-утописта Н. Ф. Федорова о возможности физического воскрешения человеческой личности» [10].

В. Брюсов подверг осмеянию и пародированию попытку скоропалительного и бездумного воплощения идеи оживления на практике. Нелепыми и напыщенными выглядят директор Теургического института и его

сотрудники, когда пытаются продемонстрировать итоги «величайшего научного опыта». Их эксперимент вызывает ужас и отвращение посетителя: «оживленный» Гегель произносит только два слова: «Молока бы!», а куртизанка Ланкло выглядит как «восковая маска», стянутая «чудовищными морщинами» [11].

Пародирование достигает кульминации в сцене «восстановления» библейского Иуды. Он предстает как «черноватая груда вещества, в которой лишь с трудом можно различить человеческое лицо, руки, туловище, ноги... Эта груда колыхается, двигается, трепещет» [12].

Брюсов показал, как плодотворная научная идея, взятая на вооружение невежественными жрецами-экспериментаторами, может быть доведена до абсурда и приобрести злоешие симптомы. В финале рассказа писателем обозначен условный выход из тупика экспериментаторства. Герой, обращаясь к сотрудникам музея, просит никогда его не воскрешать.

Социально-философские, фантастические рассказы Брюсова были не только откликом на бурные события начала XX века, но и попыткой прогнозирования тех явлений, которые проявятся в будущем.

Список литературы

1. Ильев С. П. Книга Валерия Брюсова «Земная ось» как циклическое единство // Брюсовскиц чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 94.
2. Гречишкин С. С. Новеллистика Брюсова 1900-х годов // Русская литература. 1981. № 4. С. 152.
3. Брюсов В. Я. Огненный ангел: Роман, повести, рассказы. СПб., 1993. С. 65.
4. Там же. С. 68.
5. Ломтев С. В. Проза русских символистов: пособие для учителя. М., 1994. С. 43.
6. Гречишкин С. С. Указ. соч. С. 154.
7. Брюсов В. Я. Указ. соч. С. 92.
8. Брюсов В. Я. Указ. соч. С. 93.
9. Баталов Э. Я. В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989. С. 293.

Гуманитарные науки

10. Никоненко С. С. Комментарии // Брюсов В. Я. Избранная проза. М., 1989. С. 663.
11. Брюсов В. Я. Указ. соч. С. 132–133.
12. Там же. С. 134

АНУФРИЕВ Анатолий Евдокимович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: usr11763@vyatsu.ru